

ПАМЯТИ ДРУГА – ШАХТЕРА И ПОЭТА

Я слагал стихи, как только мог,
Рифмою увесистой, неброской.
Не судите мой тяжелый слог,
Я – поэт окраины шахтерской.

Из поэтического сборника
Виктора Савинкова

Познакомились мы с ним, к моему сожалению, сравнительно недавно в поэтическом клубе «Маяк», около десяти лет назад.

Когда он читал свое стихотворение «Корова», у меня навернулись слезы на глаза:

*Я под веселым, теплым небосводом
Все лето, на мальчишечью беду,
Корову пас за дальним огородом,
Водя ее весь день на поводу.*

*Однажды я зевнул. Почувя волю,
Поняв, что пастушонка рядом нет,
Она прошлась по вспаханному полю,
На грядках отпечатывая след.*

*Бывает в жизни горькая минута,
Мне, мальчику, был белый свет не мил,
Хозяин поступил со мною круто,
Забрал корову и меня избил.*

*Не знаю, правый я или неправый,
Но, прибежав к родимому крыльцу,
Ладошкой утирая нос кровавый,
Про все, как было, рассказал отцу.*

*Отец вскипел: «Да пропади все прахом,
Да что ж у нас творится, не понять?»
Он в ярости сорвал с себя рубаху,
Он был готов хоть с чертом воевать».*

*Впервые я увидел, леденя,
Как дрались два здоровых мужика.
Отец мой был покрепче, посильнее,
Он был шахтер и бил наверняка.*

*И от ударов батькиных храбрея,
Я разобрал средь бранной хрипоты:
«Сынок, гони родимую скорее,
У нас еще немало сволоты».*

*Она неслась, тропинки было мало,
Наверно, очень больно жалил кнут.
Она неслась и все не понимала,
За что ее, невинную, секут.*

*Домой отец пришел темнее ночи,
Сказал: «В тюрьму дорога мне одна».
И материны голубые очи
Заполонила слезная волна.*

*Но выход был, и все об этом знали,
Отца от каторжанных дел спасли,
Буренушку-кормилицу продали
И деньги прокурору отнесли.*

*Отец, я стал тебя того старше,
Но слышу голос твой из темноты:
«Сынок, гони родимую скорее,
У нас еще немало сволоты!»*

Жили мы, тезки и по имени, и по отчеству, неподалеку друг от друга, так что общение было частым. Однажды звонок от него:

– Слушай, только что по телефону попросились в гости мои поклонники – хотят стихи послушать. Если тебе интересно, приходи!

Встреча земляков, такое нечасто в нашей жизни случается, как же можно пропустить такое событие!

Оказалось, что в гости к поэту пришла его землячка, уроженка деревни Мостовой Алтайского края Татьяна Мишина. Случайно увидела вышедший в свет поэтический сборник Виктора Савинкова «Преклоняя колена». Она была покорена творчеством Виктора Савинкова, и мне понятна ее гордость за своего земляка. «Наша, милая сердцу, деревенька небольшая, но талантами щедр!» – говорит она.

И Татьяна Николаевна подсказала своему сыну Андрею Сеничеву, музыканту и композитору, написать музыку на стихи, посвященные Прокопьевску. В квартире поэта впервые под аккомпанемент гитары прозвучала эта песня:

*– Прокопьевск мой, ладонь
свою как другу
При встрече мне открыто
протяни!*

*По жизни освещают нам дорогу
Прокопьевска шахтерские огни!*

Таким образом посчастливилось мне стать соучастником момента, когда у доселе известного только в узком шахтерском кругу поэта началось его признание.

С выходом в 2003 году очередного выпуска альманаха «Сибирские огни», в котором была напечатана целая подборка стихов Виктора Ивановича, его пригласили в Кемерово на первый слет литераторов Кузбасса. Здесь Виктор Савинков, шахтер-поэт из Прокопьевска, был принят в члены Союза писателей Кузбасса.

Виктор Иванович к званию «поэта» отнесся осторожно, по его словам: «Я словно бы груз ответственности взвалил на плечи, который предстоит теперь нести по жизни и оправдывать всем своим последующим творчеством». Он и в предисловии своего последнего сборника признавался: «Шахтером-профессионалом называю себя смело, поэтом – с опаской».

ИВОВАЯ РУСЬ

*А день по-деревенскому красивый,
Луга пропахли сладкою травой,
И вдоль реки, купая листья, ивы
Стоят, склоняя ветви над водой.*

*Под нежным небом лучшая из родин
По вечерам хмелеет без вина.
Да, только здесь,
в густых кустах смородины,
В настое ягод тает тишина.*

*В свой красе, святой и полудикой,
Горит над полем радуга-дуга.*

*И дышат клевером и земляникой
Высокие и пышные стога.*

*Я скрою на душе печаль судьбины,
Но знают камыши и лебеда,
Здесь, в домике под кистями рябины,
Живет моя далекая беда.*

*Мне никуда от памяти не деться,
Уеду я и вновь и вновь вернусь,
Как мать свою, как праздники,
как детство,
Мне вечно помнить ивовую Русь!*

Практически ежедневно он читал мне по телефону очередное свое произведение и признавался:

– Это стало моей душевной потребностью, стихи пишу ежедневно!

Однажды, показав Савинкову свой очерк о стахановце Иване Борисове, погибшем в шахте в июле 1943 года, спросил, не мог бы он что-то дополнить. На следующий день у него были готовы стихи, которые с его согласия вклеивал в книгу.

ПАМЯТИ ИВАНА АКИМОВИЧА БОРИСОВА

*Шахтерская слава подкрашена
кровью,*

*Я памятью жизнь ворошу,
Мне больно, и все же с высокой любовью
Стихи о шахтерах пишу.*

*Сегодня я мужество ваше былое
Глотаю глоток за глотком.
И сердце во мне, как в хорошем забое,
Отбойным стучит молотком.*

*Сказать я обязан, я крикнуть обязан
Земле и седым небесам,
Чтоб эти слова, крылья выправив, разом
Прошлись по святым адресам.*

*Не в солнечной мгле, не в тени кипарисов,
Не в звонах весенней травы,
В забое, в тяжелом забое, Борисов,
Навечно прописаны вы.*

*Не молкнет отвага рекордных мелодий,
Стахановских окликов зов.
И вы остаетесь в шахтерском народе,
Как песня тридцатых годов.*

*О, сколько ушло молодых и красивых...
Ушло, не доживших свой час.
Друзья, что погибли во славу России,
Они где-то около вас.*

*Акимыч, опасную каменоломню
Не предал я, не променял.
Я всех вас люблю, всех жалею и помню,
Скажите им там про меня.*

*Шахтерская слава подкрашена кровью,
Вновь памятью жизнь ворошу.
Мне больно, и все же с высокой любовью
Стихи о шахтерах пишу.*

О работе шахтера Виктор Иванович отзывался уважительно, с искрен-

Город Прокопьевск в Кемеровской области. Для кого-то это небольшой провинциальный город, затерянный в Сибири, а для нас, его жителей, это центр становления угольной промышленности Кузбасса, город мужественных и профессиональных людей – горняков.

Нелегкий труд в забоях крутого падения сопряжен с учетом фактора риска, точным расчетом и опережением возможной перемены ситуации. А потому особенность работы в подземных забоях вырабатывает в людях твердый характер независимо от рода деятельности: командир производства, бригадир, слесарь, работник любой специальности...

Как и в любой отрасли, можно назвать множество талантливых шахтеров, многолетний труд которых стал страницей славной истории нашего шахтерского края.

Этот рассказ про Савинкова Виктора Ивановича, горнорабочего шахты «Зиминка», на которой он трудился непосредственно в забое на протяжении 35 лет, а последние восемь был бригадиром проходческой бригады.

Работал он достойно, являясь рядовым проходчиком или забойщиком, а уж тем более бригадиром проходческой бригады, когда на протяжении двенадцати лет его бригада постоянно возглавляла список передовиков шахты. Но основным его призванием, конечно же, был талант поэта, «поэта окраины шахтерской», писавшего стихи практически ежедневно, со школьных лет.

ним восхищением. И верил в будущее Прокопьевска – в свою малую родину. Конечно же, в большинстве его стихов это нашло отражение:

*Под небом, на земной,
просторной ниве,
Меня к тебе таежный ветер звал.
Я в жизни видел города красивой,
Но ближе сердцу города не знал!*

Однажды поинтересовался у поэта: как же он, будучи по происхождению сельским жителем, стал горожанином и шахтером?

Судьба Савинковых похожа на судьбы сотен таких же крестьян, которых коснулись времена поголовной коллективизации. Попали и они в разряд зажиточных. Местом поселения стал город Прокопьевск, в котором его отец стал шахтером.

– У меня две родины: деревня Мостовая и город Прокопьевск, – говорил Савинков. – И что бы там ни говорили о чудесных местах, о заграничных прелестях, милее моих родных мест для меня ничего на свете нет!

сто необходимо: электрооборудование может подвести в любой момент.

– А я малейшего представления не имел о шахтовых механизмах! – рассказывал, вспоминая начало своего трудового становления, Виктор Иванович. – У проходчиков сверло вышло из строя. Конечно же, слесаря требуют. Пришел к ним на промштрек, пытаюсь понять, в чем причина. Оказывается, жилы от замыкания перегорели.

Перезарядил кабель, а когда собрал, вот незадача: за рукоятку сверла берешься – током бьет! Так что из электрослесарей меня быстро разжаловали! Поставили насыпщиком работать. Хотя и трудоемкая это работа, смену лопатой уголь перекидывать, но зато не требует особого ума. Да и физически только накачиваешь мышцы!

Не миновали Савинкова и травмы. Поработав в шахте более трех лет, по примеру товарищей решил на мастера-взрывника выучиться. На курсах учился прилежно и успешно сдал выпускные экзамены.

В травмпольнице тогда двадцать семь швов наложили на голове, руку загипсовали и домой отпустили. Спрашиваю:

– Не было желания после травмы с шахты уйти или профессию поменять?

– Никогда! Я же романтик в душе и в шахте за своей работой, и за работой товарищей как бы со стороны постоянно наблюдал. Восхищался и восхищаюсь работой горняка, это труд не менее достойный, чем, скажем, космонавта или артиста какого-либо. Я о нашем шахтерском труде стихи не устаю писать!

*Шагаю шахтным коридором
На грани уровня морского,
И первобытный мир от взора
В громаде каменной закован.*

*Храня труда большого метки,
Уходит в темь за штреком штрек.
Таинственные жили предки
Здесь где-то в каменный свой век.*

*Чем дальше пребываюсь в шахту,
За каждым годом и верстой
Мне все слышнее уголь пахнет
Смолистой древней теплотой.*

*Здесь, под землей, в глухую полночь,
Чтобы свободы миг постичь,
Дикарь, зовя к себе на помощь,
Гортанно исторгает клич.*

*Кроша буром конгломераты,
В планету углубляю путь.
Очаг времен Матриархата
Я отыщу когда-нибудь!*

Недавно в городе состоялся поэтический вечер памяти поэта – шахтера Виктора Савинкова. Ему исполнилось бы 75 лет, но болезнь преждевременно оборвала жизнь поэта.

Писал стихи Виктор Иванович практически всю свою сознательную жизнь, но опубликовать поэтические сборники удалось только в конце жизни. Всего вышло пять поэтических сборников, один из них называется «За седьмым горизонтом».

*Мою нежность к тебе
голубые снега замели,
Но я буду твоим, убивая
любовью морозы,
За седьмым горизонтом,
за тихую далью земли,
В аромате садов расцвели
мои алые розы.*

*Если я потеряюсь,
если вдруг упаду на бегу,
Обо мне никогда не печаль
свою память слезами.
Без тебя я нигде,
без тебя я нигде не смогу,
Я найду тебя даже
с закрытыми в полночь глазами.*

*Мне всегда на земле, мне под солнцем
всегда хорошо,
Средь людей мне везло,
я святыми целован устами,
Не ищите меня, я не где-то,
я просто ушел
За седьмой горизонт, чтоб к рассвету
вернуться с цветами!*

Виктор ДАВЫДОВ

Соавторы книги «Жемчужина Кузбасса» Виктор Давыдов, Любовь Хабарова и Виктор Савинков.

*Я спросил у сердца: Ты могло бы?
Я спросил у сердца: Мы смогли б?
Обогнув Земли красивый глобус,
Жить от горькой Родины вдали?*

– Если б мы от Родины сбежали, –
Сердце мне ответило, – родной,
Мы б с тобой давно в земле лежали,
Ты б не разговаривал со мной!

Закончив среднюю школу № 9 в поселке Березовая Роща, Виктор подал документы для поступления в военное училище. Но бдительное руководство училища направило запрос в Алтайский край, в результате выяснилось его «нечистое» пролетарское происхождение.

Но на шахту приняли: на шахтах и заводах Сибири в те времена с таким происхождением работало большинство трудящихся. Устроился Савинков слесарем на шахту «Зиминка». Поработал месяц в бригаде слесарей-такелажников. В связи с производственной необходимостью направили паренька дежурным электрослесарем в смену. Понятно, что в каждой рабочей смене присутствие дежурного слесаря порой про-

В первый же день, как вышел на работу в качестве взрывника, травмировался. Практически подготовил забой к отпалке, оставалось только магистральные провода к дистанционному пульту электропитания подключить, как в этот момент щитовое перекрытие самопроизвольно пошло на посадку.

Обрушившимся углем сбило в печь. Повезло, что по печи с какой-то целью был пропущен канат, за который Савинков, падая вниз, пытался ухватиться. Конечно, удержаться при падении по отвесной печи практически невозможно, да и ладони не выдерживали температуры от трения о канат, но, тем не менее, скорость падения удавалось погасить.

Упал он на «подушку» из угля, а сверху на него продолжал падать уголь. На голове, конечно же, каски нет, потерял при падении. Надо голову спасать. Подобрал кусок тяжки, над головой держит, укрывается от падающих комков. И хотя рука с переломом оказалась, а кисть руки превратилась в сплошную рану, но зато голове меньше досталось.